

Игумен
Нектарий (Морозов)

ПРОСТАЯ ТАЙНА

*Заметки о современном
христианстве*

ВОЛЬНЫЙ СТРАННИК

МОСКВА, 2019

УДК 271.22(470+571)-1

ББК 86.372.24-4

Н48

Рекомендовано к публикации
Издательским советом
Русской Православной Церкви
ИС Р19-914-0533

Нектарий (Морозов), игум.

Н48 Простая тайна. Заметки о современном христианстве. —
М.: Фонд социокультурных проектов «Традиция», 2019. —
320 с.

ISBN 978-5-00152-031-3

Книга игумена Нектария (Морозова) «Простая тайна» — своего рода дневник священника. Сборник очень личных и оттого особенно пронзительных наблюдений пастыря за происходящим в мире, в Церкви, но — прежде всего — в себе самом. Добрый юмор и сердечная боль, радость и переживания, всматривание в образ Божий в человеке, череда лиц, характеров, судеб, и над всем — Господь. И искренняя вера в то, что Бог есть любовь, и потому оно, христианство, радостное.

УДК 271.22(470+571)-1

ББК 86.372.24-4

ISBN 978-5-00152-031-3

© Нектарий (Морозов), игум., 2019
© Фонд социокультурных
проектов «Традиция», 2019

Содержание

От издательства	5
-----------------------	---

Глава 1

ОТ ЧЕГО УСТАЕТ СВЯЩЕННИК — И ЧЕМУ РАДУЕТСЯ?

Слезы, мир, отчаяние и надежда.....	10
День откровения Божественной любви.....	13
Простая тайна	16
О чем говорить с бабушкой, как и когда?.....	23
Сети «правил», «разрешений» и «запретов»	30
За искушение паче, нежели за утешение	34
Опыт последнего напутствия	38
Просто потому, что Он позвал	44
Какой пост приятен и какой богоугоден	49
Пост — дело добровольное, но необходимое	53
Мне никто не поможет.....	59
Какими разными могут быть слезы.....	64
Жизнь в Церкви — общая	70
От чего устает священник?	77
Несколько простых историй	86
А что мы вчера ели?	91
Я помолюсь!	96
Жизнь или... ее альтернатива	100
Размышления на Крещение	107
Когда поститься легко, а молиться трудно	111
«Полюбите читать Святое Евангелие...»	115
А оно — радостное.....	120
Один из важнейших даров	124
Обитателям домиков, нор и футляров	130

Глава 2

БЛАГОЕ ВРЕМЯ ОДИНОЧЕСТВА

Победа над страхом и победа над смертью.....	136
Чтобы не смочь по-другому	141
Благое время одиночества	146
Вещи, которые нами обладают	154

Разомкнуть круг.....	161
Она ведь и есть — чудо.....	167
Перерасти.....	171
Право на скорбь.....	175
Сталкиваясь с реальностью... ..	183
О смягчении и вместимости сердца.....	187
Научиться молчать.....	191
Путь потерь и приобретений.....	195
У меня есть Свидетель.....	199

Глава 3

ЦЕРКОВЬ ПОД МИКРОСКОПОМ

О благочестии внешнем замолвите слово.....	204
Вопрос о ребре.....	211
Непонимание как осознанный выбор.....	218
Поспорим? Или не будем?.....	223
Церковь под микроскопом.....	227
Парадоксы религиозного сознания.....	234
Бизнес-школа для христианина.....	240
Любовь к экстрасенсам.....	244
Пособие по трудоустройству.....	251
Вариант нормы — не вариант.....	256
Поводы для радости.....	261
Противостояние противостоянию рознь.....	268
Святоотеческое зеркало.....	276
«Ты умная девочка, у тебя все получится».....	283
В гостях у старца Паисия.....	289
«Ты представляешь? Мы будем мучениками!..».....	295
«Собачьи» мысли.....	302
Терпите меня! Нет. Лучше — любите... ..	307
Церковные долги.....	312
Непреходящая страсть к переменам.....	315

От издательства

К сборникам в жанре «заметки священника» на полках церковных книжных магазинов многие относятся с интересом. И потому, что это практически всегда истории о людях — лаконичные, неожиданные, серьезные и курьезные. В них фигурирует великое множество случайных и неслучайных второстепенных героев: прихожан и «захожан», попутчиков и таксистов, монастырских котов и бездомных граждан. Такова уж стезя неравнодушного батюшки — со всем одушевленным миром вступать в вольное или невольное общение. И потому еще, что многие из таких книг можно читать как истории преодоления, сравниться с которыми могут лишь мемуары спортсменов, вернувшихся на спортивную арену после тяжелейших травм. Откуда такая аналогия? Да оттуда, что любой священник сегодня — строящий или восстанавливающий храм где-нибудь в провинции, внимательно относящийся к нуждам людей, добросовестно исполняющий свои настоятельские обязанности — мало чем отличается

от тяжелоатлета на помосте, не имеющего права унывать от того, что на его плечах — ноша, многократно превосходящая его собственный вес. Любопытство, побуждающее пролистнуть страницы такого издания, вызвано и тем, что чувства, переживания, глубокие мысли священника обычно сокрыты от внешнего взора, и есть то, о чем бы мы никогда, наверное, не узнали, если бы не публикация таких заметок, размышлений, порой напоминающих страницы из дневника.

Эта книга — не совсем дневник. Скорее — сборник эссе, хотя и очень личных. Большинство из них было опубликовано на страницах порталов «Православие.ru», «Православие и мир», «Православие и современность». С их автором — игуменом Нектарием (Морозовым) — читатели этих сайтов знакомы в совокупности более десяти лет. А еще раньше — до монашеского пострига — он работал журналистом в «Аргументах и фактах» и «Общей газете». В его материалах и сейчас угадываются черты яркой, драматичной, честной журналистики начала 90-х. Горячность, стремление к чистоте, справедливости сказанного проходят сквозь призму восприятия человека духовной жизни, имеющего большой опыт познания того, что Господь хочет милости, а не жертвы (см. Мф. 9, 13) и что любое сказанное слово нужно обращать прежде всего внутрь, к самому себе.

Слова, обращенные внутрь... Они в этой книге очень о разном — такова сегодняшняя жизнь автора, что слово в ней рождается не как заранее обдуманная проповедь, не как запланированные литературные «размышления на тему», а как мгновенная сердечная реакция человека, дни которого и без того нагружены до самого верха. Реакция на то,

мимо чего нельзя пройти, что нельзя оставить без внимания вокруг себя или в себе самом.

Жизнь пастыря, монаха, публициста — каждая из этих трех граней единого авторского бытия рождает свой особенный круг размышлений, представленный в книге в виде отдельной главы. И если из первой части сборника мы узнаем в большей степени о том, от чего устает и чему радуется священник, какими переживаниями отзывается в нем богослужение, какие порой случаются диалоги с проходящими в храм людьми, то во второй — переносимся в полунощную келейную тишину, где нет уже ни разговоров, ни дневных впечатлений, а есть лишь присутствие Божие и возможность глубоко и с болью всмотреться в самого себя. Ну а в третьей, напоследок, просто проходим с автором дорогами обыденной жизни — редакционные планерки, экзамены в семинарии, книжный магазин, метро — и вместе с ним встречаемся на этих путях с тем, что он отмечает в своих записях как наблюдательный журналист.

В книге немало доброго юмора, самоиронии; ее эпизодические персонажи и события — вроде подвыпившего пассажира, искренне считающего, что нужно его терпеть, а лучше любить, или не обошедшегося без курьеза похода братии в супермаркет — запоминаются и ободряют душу. Собственно они, наверное, и позволяют как-то пережить, не сойдя с дистанции, духовное напряжение этой книги. Казалось бы, почему? Наверное, потому, что одно естественным образом дополняет другое — и во всем вместе ощущается на этих страницах вкус живой жизни, наполненной теплом и светом Христовым. В этом и есть, вероятно, некая разгадка того, почему священник, сталкивающийся день за днем

со всем тем, что есть в жизни драматичного, по-настоящему тяжелого, порой до крайности неприглядного, приходящий ко все большему и большему познанию всесторонней и всеобъемлющей немощи человеческой, с тихой внутренней улыбкой пишет о христианстве: «А оно — радостное...»

Елена Сапаева

ГЛАВА 1

От чего устает
священник —
и чему радуется?

Слезы, мир, отчаяние и надежда...

Прошел пост. Остались позади шесть его седмиц, и началась Страстная. Так быстро прошел... И опять то же чувство: ничего не успел. Не то что сделать — даже начала положить. Чему? Да тому же посту, воздержанию, исправлению себя. А главное — покаянию. Так быстро промелькнули эти святые дни. Или сам так быстро промелькнул — мимо них. Прочитан Великий канон. И не однажды — дважды. И житие преподобной Марии снова прозвучало в храме, уже такое знакомое — до последней, кажется, буквы. И не сокрушилось сердце, не умилилась по-настоящему душа, и не оставляет чувство какой-то горькой незавершенности, неполноты, неисполнения...

Но есть еще один день. Я жду его весь год и каждый раз боюсь из-за чего-то пропустить, лишиться его, не встретить его в храме. Великая Среда. Почему? Наверное, потому, что не знаю, где еще найти такое точное выражение отношения кающейся души ко Христу, как в стихирах сегодняшнего богослужения. Я жду его, прекрасно помню и... каждый раз переживаю, словно впервые. Жена блудница, «отчаянная жития ради и уведома нрав ради», молит: «приими

мя, кающуюся, юже не отринул еси согрешающую»¹. Здесь и правда все — какая-то тончайшая грань между отчаянием и надеждой, невыносимой душевной болью и радостью об открывшейся милости и любви Христовой, потрясающий переход от бездны греха к свету добродетели. Переход, который возможен лишь тогда, когда протягивает руку Господь и поднимает с колен того, кто не считал себя достойным когда-либо подняться с них.

*Прп. Мария Египетская.
Фреска. Грузия (Вардзия). XI в.*

Стоишь в храме, слышишь торжественную и скорбную музыку песнопений и точно видишь, как все это происходит... Как приходит она — трепещущая от страха отвержения и вместе с тем верящая, что отвергнута не будет. Она, вся в грязи и скверне греха, — к Тому, Кто Сам есть Источник чистоты. Сткляница с миром в руках, слезы, застилающие глаза, недоуменные, осуждающие, гневные взоры, обращенные на нее, в которых, кажется, так и читается: «Как смела ты прийти сюда?! Ты!..» И только один взор наполнен любовью и состраданием, такой любовью и таким состраданием, на какие никто не способен, даже самый лучший человек на земле. Мог ли кто-то из тех, кто был еще в этой

¹ Стихира на стиховне утрени Великой Среды.

горнице или встретил ее на пути к ней, понять, что творилось тогда в ее душе, уразуметь, что происходило в те мгновения между ней и Христом?

Какое страдание жило в ее сердце, наполняло его, билось в нем? Как велико оно было, что заставило забыть и стыд, и страх? Как сообщилась этому порочному и страстному сердцу истина, которой не вмещали до конца и праведники: что нет такого греха и беззакония, которые навсегда отторгли бы человека от Бога, что нет ничего, что могло бы лишить его Божией любви, что Тот, к Кому шла она, купив мир, и есть Бог? Не пошла бы она к человеку, не понадеялась бы на человека, не поверила бы ему... Тайна.

Хочешь вникнуть в нее, постигнуть хотя бы отчасти... А потом забываешь, что ты и кто ты. И кажется, что это ты вошел в ту горницу, это в твоих подрагивающих руках благоухающий сосуд, это на тебя обращены со всех сторон осуждающие и гневные взгляды, каждый из которых опалит тебя, будто печатлеет клеймом приговора. И отступило прочь все земное, не осталось ничего — никаких оправданий, никаких «преград» и «защит». Ты видишь себя таким, каким не видел прежде никогда, и понимаешь всем существом своим: нет в тебе того, что достойно было бы милости и любви, нет добродетели, нет ни единой заслуги, нет доброго вообще ничего. Лишь «мрачное и безлунное рачение греха»... И замираешь от этих неожиданно уже на тебя обрушившихся боли и страха. И одно только желание тобою владеет: пасть к ногам Того, Кто, как ты веришь, уповаешь паче всякого упования, не отвергнет, и омыvat их слезами, и просить о прощении — за все. За все, в чем прежде даже и не подозревал своей вины.

И не важно совершенно, кто еще видит тебя в этот момент, кто гадает, что происходит с тобой. Важно только то, *что* между тобою и Христом, как тогда, две тысячи лет тому назад — между нею и Им, и как бесчисленное, никому, кроме Него, не ведомое множество раз еще — за эти же две тысячи лет.

Покаяние... Это когда ты уже на суде. И уже осужден. И открылась бездна, готовая принять тебя. А ты... Ты просишь о милости, на которую абсолютно не вправе надеяться. И не надеешься.

Ты просто ощущаешь ее всем своим существом.

День откровения Божественной любви

Страстная седмица... Совершенно особые семь дней — самые насыщенные и напряженные из всего церковного года. Дни, когда произошли самые важные события в истории человечества. Дни, когда произошли события самые поразительные. И самые страшные.

И среди дней этих особняком — Великий Пяток.

Память о том, до чего может дойти человек, захотевший стать властителем своего бытия, в безумной и бессмысленной борьбе против Бога. Память о безмерной цене нашего искупления. Память... Нет — откровение превосходящей любую меру и любое понимание Божественной любви.

Бог есть любовь (Ин. 4, 8)... Это самые прекрасные, самые вдохновляющие слова, которые когда-либо звучали или были записаны на бумаге. Не тиран, не преследователь,

карающий за все совершенные нами когда-то проступки, прегрешения и даже преступления, а Любовь. Но что же такое эта Любовь в своем существе? Какая она, как ее увидеть, узнать, ощутить?

Быть может, это те мгновения, когда мы радуемся и ликуем, словно дети, когда каждое мгновение переживается как некий дивный дар? Когда сбываются наши самые сокровенные желания и мечты? Или наоборот, когда мы, достигнув самого дна бездны отчаяния, вдруг избавляемся от беды, болезни, скорби — нечаянно, совершенно неожиданно?

Да, и в эти мгновения тоже, но только отчасти, в какой-то очень малой, ограниченной способностями нашего восприятия мере. Ограниченной нашим легкомыслием, нашей занятостью текущим моментом и самими собой.

А когда еще? А еще... когда мы приходим в храм в Страстной Пятки и замираем вдруг перед Распятием, точно увидели его впервые. Замираем, потому что потрясает до глубины души то, что прежде едва скользило по самой поверхности сознания. Этот Крест... Этот терновый венец на главе... Эти капли крови... Эти руки и ноги, пронзенные гвоздями... Все это — самое потрясающее, самое полное и самое ясное откровение того, что есть Божия любовь, ее свидетельство, ее явление.

Нет единого ответа на вопрос, почему Господь избрал именно такой путь нашего спасения, да и кто мы, чтобы требовать этого ответа, откуда у нас на него право? Но мне самому все же особенно близка мысль о том, что Господь желал показать нам: нет ничего, на что Он не был бы готов ради нас пойти, какое бы это ни было уничтожение, какое бы это ни было страдание, какая бы это ни была боль.

Чтобы мы поверили, что действительно так бесконечно дороги Ему. Чтобы поняли, что никого у нас нет ближе. Чтобы не отчаивались и не унывали, когда наши грехи делают нас противными даже самим себе. Ему мы никогда не противны, даже когда противимся, потому что именно о противящихся и больше того — распинавших — звучали слова со Креста: «Отче, прости их, не ведают, что творят» (см. Лк. 23, 34). И руки, на Кресте простерты, не что иное, как объятия, всему миру открытые, — не избранным, а каждому человеку в нем.

Мы жестокосердны и хуже того — равнодушны. Наши души становятся пустыми и бесплодными от наших грехов. Мы чувствуем холод и враждебность окружающего мира, который делаем таким сами. И нам не спастись, если наше столь же холодное и враждебное сердце не согреет любовь. Такая, какой не найти человеку у человека, такая, в истинности которой мы не усомнимся, такая, которая никогда не прекратится, что бы мы для этого ни делали, ни творили. Такая, Которую мы видим распятой на Кресте.

Все в этот день — Великий Пяток — направлено к тому, чтобы нас пробудить и оживить. К тому, чтобы мы поняли, наконец, хоть отчасти, что же произошло тогда, на Голгофе и прежде нее. К тому, чтобы ужаснулись, осознав, что это все было не только ради нас, но и по нашей вине. К тому, чтобы устыдились — от того, как живем, будучи приобретенны, искуплены такой немыслимой ценой.

В чем заключается наше спасение? В том, чтобы ощутить Божественную любовь и откликнуться на нее. А откликнувшись, пойти за ней туда, куда она поведет, дать сотворить с нами то, что будет ей благоугодно, довериться всецело и до конца.

Довериться... Именно это труднее всего. Мы точно боимся, что у нас будет отнято что-то очень важное, очень нужное, без чего не прожить. Боимся, что Господь лишит нас чего-то бесконечно нам дорогого. И не доверяемся. Боремся. Сопротивляемся. Буквально вырываемся из Его рук.

А Он... А Он для того, чтобы преподать нам пример доверия, помочь преодолеть этот глупый детский страх, совершает все то, о чем вспоминаем мы в Страстной Пяток. Творец передает Себя в руки твари. Бог отдает Себя человеку. Доверяется ему, позволяя делать все, что тому будет угодно. Он, Всемогущий, создавший все единым мановением воли Своей, становится совершенно беззащитным, уязвимым. Что делает Его таким? Только любовь.

И именно она, только она может побудить решиться на такую же беззащитность и уязвимость нас. Может убедить довериться Ему, не страшась ничего, не трепеща ежеминутно от мысли о том, к чему это приведет. Может упразднить наше сопротивление, нашу нелепую и гибельную борьбу с Ним и тем самым спасти.

И спасает. И Великий Пяток — ее откровение, страшное и потрясающее, погружающее в невысказанную скорбь и претворяющее ее в невысказанную же радость.

Простая тайна

«Как мне узнать волю Божию?» — с таким или похожим вопросом к каждому священнику люди подходят регулярно.

С этим же вопросом они едут «по старцам» в надежде на их прозорливость. Над его разрешением бьются, словно над диковинным ребусом, не подозревая даже, насколько прост ответ или, точнее, путь к ответу...

«Вредное» Евангелие

— Я очень часто путаюсь, не зная, как поступить, чем руководствоваться! — жалуется в разговоре со мной умная, интеллигентная, верующая женщина.

— А чего вы хотите? — спрашиваю я. — Не повредить своим интересам, не допустить ошибки, действовать максимально рационально? Или же вас беспокоит возможность согрешить, пойти против воли Божией?

Моя собеседница задумывается. Возможно, что изначально ее интересовало больше первое. Но как-то неудобно христианке признаться, что благополучное течение дел для нее важнее, чем Сам Господь, — тем более в беседе со священником. Да и здравый смысл (с религиозной точки зрения здравый) подсказывает: исполнение воли Божией и есть основа нашего земного благополучия в широком смысле этого слова. Потому как Бог есть основа всего, в том числе и всего нашего бытия — с тем, что оно собою объемлет.

— Конечно, я боюсь не исполнить волю Божию, боюсь не угадать ее, — говорит она по размышлению. — Но как быть? Ведь обмануться так легко.

Мой ответ о том, что секрет немудрен и волю Божию надо искать в Евангелии, ее разочаровывает.

— Это для нашего времени уже не совсем актуально, — с досадой говорит она. — Есть масса ситуаций, которые

в Евангелии не разобраны. И, кроме того, поступать по-евангельски возможно не всегда, иногда это бывает просто вредно!

...Невольно вспоминается эпизод из жития преподобного Исаака Сирина. К нему в бытность его епископом Ниневийским пришли некие люди, о чем-то спорившие, и потребовали его суда. Святой архипастырь привел им свидетельство Писания.

— Да что ты все со своим Евангелием! — раздраженно воскликнул один из спорщиков...

Итак, все снова возвращается к изначальному выбору: о чем речь — о том, чтобы узнать, как поступить правильно, или же понять, как поступить по-христиански? Если весь вопрос в «правильности» земной, то я не уверен, точно ли по адресу он, если обращен к священнику. Мы ведь далеко не во всех вопросах специалисты, нам бы в своей «профессиональной» духовной области разобраться...

Книга откровения воли Божией

Если же человек ищет, как ему исполнить волю своего Создателя — Господа Неба и земли, в руке Которого все сотворенное, видимое и невидимое, и Который един имеет подлинную, неограниченную власть, то и правда: источника познания этой воли, который мог бы успешно конкурировать с Евангелием, ему не найти.

Безусловно, мы очень часто, погружившись в суету, которой наполнена наша повседневная жизнь, помрачаемся ею. И потому, столкнувшись с очередной затруднительной для нас ситуацией, теряемся вначале в догадках: ну и как из нее выбираться? Особенно приходится ломать голову, когда куда

ни кинь, всюду клин, когда, как ни поступи, все неладно выходит. Но не надо на самом деле ничего ломать. Просто «вынырнуть» из этой ситуации, от земли чуть поотстать, к Богу сердцем обратиться и сказать: «Господи, главное — знать мне, чего Ты от меня сейчас хочешь и ждешь, а остальное — важно ли оно?» И если начитаны мы в Евангелии, если свежо оно в памяти нашей, то вспомним слово Спасителя, приличествующее данному случаю, и сразу делается легче и ясней на сердце. А коли еще и исполним это слово, то совсем хорошо станет. Ну а ежели не начитаны или в забвение прочитанное стало приходить, то что мешает читать — день за днем, по одной, по две главы? Ведь другого столь совершенного способа обрести свет во тьме греховной лежащего во зле мира нет...

Можно с некоторой натяжкой, конечно, сказать, что «не все ситуации в Евангелии разобраны»: не все профессиональные проблемы, не все политические нюансы, не все личные конфликты... Но и из того, что «разобрано», разве не ясен дух той жизни, к которой мы призваны? Дух кротости, смирения и любви и вместе с тем — дух мужества, терпения и отваги.

Навык послушания Богу

Бывают, вне всякого сомнения, и случаи, когда разобраться вправду трудно. И не только потому, что наши собственные страсти мешают разглядеть истину, оправдывают грех, порочат праведность. Иногда предлежит на выбор два блага, и никак не разберешься, которое большее. Либо — два зла, и непонятно, какое из них худшее. Например, надо открыть чей-то проступок, чтобы совершивший его еще

большого зла никому не причинил. Но и жалко его, потому как может пострадать сообразно своей вине, а справится ли он, способен ли будет это понести, неизвестно. Или на работе появился начальник-тиран, от которого никому житья нет. И опыт подсказывает, что делать, чтобы добиться его снятия, перевода, а в то же время нехорошо это... С другой же стороны, если пожалеешь его, он еще столько всего наворочает! Вот и мучаешься, вот и не знаешь, что чему предпochсть. И как же тут быть?

Есть одна маленькая, но очень важная тайна, которая объясняет как. Важная и вместе с тем простая, удивительно логичная: если человек в том, в чем воля Божия совершенно очевидна, не пренебрегает ею, а исполняет ее, то Господь подскажет ему в трудной ситуации, как поступить, откроет это так или иначе — способов у Него много.

Сердце человека, живущего по Евангелию или хотя бы просто стремящегося к тому, чтобы так жить, постепенно приобретает опыт, научается различать влекущее долу и возводящее горе — то, что по злоухищрениям диавольским поначалу часто перепутывается в нашей душе. И благодать подает такому последователю Своему Господь — ту, что просвещает его внутренние очи.

Ну а если даже не думает о Боге человек и «вдруг» вспоминает о Нем, когда есть нужда, то, конечно, застает его эта нужда впотьмах, так что ни пути не видать, ни самого себя не разглядеть толком.

Впрочем, и из потемок все равно нужно выбираться, и можно выбраться к солнцу. Через отрезвление, через покаяние и поучение в законе Господнем. И еще через молитву. Да и в любом случае, даже когда все кажется ясным, как без